

**ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА «КРОВНОЙ МЕСТИ» В СООТВЕТСТВИИ
С НОРМАМИ ОБЫЧНОГО ПРАВА НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ**

**Логинов А.В., соискатель,
Московский государственный институт международных отношений**

***Аннотация:** цель данного исследования – изучить особенности реализации института Кровной мести на территории Республики Абхазия. В статье анализируется место института Кровной мести в обычном праве абхазов. Рассматриваются причины возникновения, особенности управления и прекращения кровной мести путем примирения с потерпевшей стороной и возмещения причиненного вреда либо изгнания виновной стороны (как добровольное, так и по решению народного суда). Подчеркивается важность института Кровной мести как правозащитного и правосстановительного внесудебного механизма в рассматриваемый период.*

В первую очередь, данный институт был призван защитить честь рода. Во вторую – причинить равный вред обидчику. При том применение кровомщения привело к бесконечному противостоянию родов – что в результате грозило вымиранием всего этноса. Дабы избежать самоистребления, общество самостоятельно начинает ограничивать применение института кровной мести. В Абхазии для данных целей применялось народное (примирительное) правосудие, а также – традиционные институты примирения, такие, как аталычество (молочное родство).

Несмотря на то, что само общество посредством традиционного примирительного правосудия, а позже норм шариата, российского (имперского и советского) законодательства – пыталось бороться с институтом кровной мести, традиция кровомщения жива и по сей день, причем как непосредственно у абхазцев и других кавказских народов, так и в ряде иных стран (Ближнего и Дальнего Востока, Восточной Европы и т.д.).

***Ключевые слова:** кровная месть, адат, обычное право, возмездие, изгнание, примирение, аталычество*

**FEATURES OF THE APPLICATION OF THE "VENDETTA" INSTITUTE IN ACCORDANCE
WITH THE NORMS OF CUSTOMARY LAW IN THE TERRITORY OF ABKHAZIA**

**Loginov A.V., Applicant,
Moscow State Institute of International Relations**

***Abstract:** the purpose of this study is to analyze the specifics of the implementation of the institution of blood feud in the territory of the Republic of Abkhazia. The article analyzes the place of the Blood Vengeance institution in the customary law of the Abkhazians. It studies the causes of the emergence, peculiarities of management and termination (through reconciliation with the injured party and compensation for the harm done, or the expulsion of*

the guilty party (both voluntary and by decision of the people's court) Blood vengeance, emphasizing the importance of the institution of blood feud as a human rights and law-recovery extrajudicial mechanism in the period.

In the first place, this institution was called upon to protect the honor of the clan, and second, to cause equal harm to the offender. In this case, the use of blood revenge led to an endless confrontation of the clans – which as a result threatened the extinction of the whole ethnos. In order to avoid self-destruction, the society independently begins to limit the use of the institution of blood feud. In Abkhazia, for these purposes, people's (conciliation) justice was applied, as well as traditional reconciliation institutions such as atalychestvo (dairy relationship).

Despite the fact that the society itself, through traditional conciliatory justice, and later the norms of the Sharia, Russian (imperial and Soviet) legislation, tried to fight the institution of blood feud - the tradition of the killing lives even nowadays, directly from the Abkhazians and other Caucasian peoples, and in a number of other countries (the Near and Far East, Eastern Europe, etc.).

Keywords: *blood vengeance, adat, customary law, retribution, exile, reconciliation, atalychestvo*

Особое место в обычном праве отводится такому специфическому институту превентивного насилия, как «кровная месть» (абх. ашьаура) [38, с. 300], которая исполняла функции правоохранительной и право-восстановительной функции.

С.В. Жильцов указывает на то, что кровная месть практикуется людьми практически с начала времен, так как возникла еще в догосударственный период и была повсеместно распространена еще в период до-классового общества [16, с. 19]. Ю.И. Семенов отмечает, что кровная месть стала возможной только после распада раннепервобытной общины, так как даже убийство убийцы приносило племени непоправимый ущерб [41, с. 7]. Однако необходимость покарать обидчика проистекала, в первую очередь, из языческих верований первобытного человека (в том числе и в веру в загробный мир – неупокоенный дух умершего) [45, с. 294].

Е.Б. Гучуа указывает на то, что практика применения обычая кровной мести свидетельствовала о «слабости государственной власти, которая была не в состоянии в полной мере обеспечить правопорядок в обществе» [11, с. 72]. Разделяет данную позицию и А.М. Зюков, полагая, что основной причиной кровной мести было «отсутствие прочной и сильной власти, а когда власть проявляла себя, то ее представители старались если не уничтожить кровомщение, то, по крайней мере, уменьшить его по возможности» [18, с. 160].

На взгляд автора, применение обычая кровной мести продиктовано не отсутствием сильной судебной системы, а отсутствием системы карательных (или, как их сегодня принято называть, правоохранительных) органов, так как фактически исполнение судебного решения в период обычного права и народного правосудия полностью лежало на добросовестности волеизъявления сторон, хотя, при этом, в немалой степени зиждилось и на общественной морали и понятии чести (как собственной, так и чести всего рода).

Таким образом, кровная месть выполняла функцию системы наказания, но порой приводила к длительному противостоянию между двумя родами [2, с. 12]. Традиционно, в соответствии с Адатом, кровная месть считалась, в принципе, контролируемой и не должна была порождать избыток насилия и превращаться в вечный конфликт [42, с. 9]. Однако на практике она переходила из поколения в поколение и была

причиной кровавых столкновений между родами [7] в силу того, что кровная месть была *не инструментом* индивидуального наказания, а выражением групповой ответственности [19].

Ф.А. Квициния полагает, что причина данного явления в том, что вина в данный период носила коллективную форму и выражалась в ответственности всей семьи за действие ее отдельного члена [22, с. 17]. При этом коллективную ответственность следует объяснить тем, что на Кавказе традиционно высшей ценностью выступает семья (клан, род или тейп), потому первостепенное значение имеют коллективная ответственность, а также лояльность, преданность семье и защита чести рода (кровная месть) [46, с. 14]. В то же время институт Кровной мести практиковался лишь в отношении лиц, виновных в особо тяжких преступлениях, таких, как убийство или оскорбление женщины. По обычаю кровная месть передавалась от отца к сыну, однако при отсутствии или малолетстве сыновей обязанность мстить передавалась братьям и иным родственникам [43].

Вместе с тем кровная месть не носила индивидуального характера, а в соответствии с принципом коллективной ответственности распространялась не только на виновного, но и на весь его род. Н. Дубровин писал, что «кровомщение было так распространено, нити его так перепутались между различными фамилиями, что редкий из абхазцев не имел врага, способного его выждать на пути или где-нибудь в засаде. От этого туземцы никогда не расставались с оружием; с ним они выходили на полевые работы и переезжали самые незначительные расстояния» [14, с. 73].

Е.Б. Гучуа полагает, что кровная месть могла возникнуть «по любому, порой не самому значительному поводу: оскорбление, рукоприкладство, самовольный развод, оставление жены или мужа» [11, с. 72]. Краевич П.Д., в свою очередь, приводит следующий перечень преступлений, порождающих кровную месть: «присвоение чужой собственности, разбой, поджог, скотокрадство, рукоприкладство, изнасилование или соблазнение сестры или дочери, оскорбление родителей (особенно матери), отказ от данного слова при заключении брака, похищение невесты, самовольный развод, оставление жены или мужа, убийство» [26, с. 30]. Он же отмечает, что есть преступления, которые «смывается только кровью оскорбившего родственника или равносильным оскорблением» [26, с. 35].

Л.Я. Люлье писал: «подобные случаи почти никогда не оканчиваются примирением, прежде чем позор не будет смыт кровью виновного или кого-нибудь из его родственников» [34, с. 26]. В.В. Авидзба также указывал на то, что обязанность мстить по обычному праву абхазов была четко обозначена [1, с. 211]. Ф. Завадский отмечал, что «не принявший участия в кровомщении за обиду своего родного или друга рисковал сам обесславить себя всенародно» [7].

А.С. Шляпочников обратил внимание, что «безграничное истребление друг друга родовыми группами при осуществлении ими кровной мести становится тормозом для дальнейшего хозяйственного развития. В связи с этим мы встречаем попытки ограничить применение кровной мести...» [44, с. 35].

В конечном итоге в Абхазии кровная месть привела к тому, что стала актуальна угроза уничтожения всего абхазского этноса. В результате этого в кровную месть стали вмешиваться «медиаторы», пытавшиеся примирить враждующие стороны посредством народного суда. Таким образом, кровную вражду стреми-

лись прекратить путем примирения или связывания сторон молочным родством [5; 24, с. 217-218]. Примечательно, что такой же обычай существовал у мегрел и лазов [36, с. 170], а также у грузин [6].

Однако, как отмечал А.Э. Куправа, в Абхазии «народное судопроизводство и другие усилия людей не могли ликвидировать кровную месть, но в наиболее угрожающие периоды распространения убийств они приносили реальную пользу, предотвращали дальнейшее развитие кровной мести, взаимное истребление людей на почве кровной мести» [27, с. 84].

В случаях мирного завершения кровной вражды посредством народного судопроизводства судьи обращались к сторонам конфликта и, заверив, что призывают фигурантов дела к тому, что сделали бы сами, оказавшись они в их ситуации, призывали тех прислушаться к народной мудрости: «Справедливое слово способно исцелить душевную рану, а любая пуля, проливающая человеческую кровь, слабее и капли материнского молока, которая примиряет и делает братьями. Примиритесь, и весь народ будет вам благодарен - да сгинет отныне и вовеки вражда между вами» [21, с. 81].

При предотвращении кровной мести посредством народного примирения (медиаторства) использовался институт вмешательства «других фамилий, предлагавших свое посредничество в деле примирения враждующих» [14, с. 73].

А. Гожба описывает случай такого примирения между убыхским и абхазским родами посредством института Аталычества, когда 500 абхазок и 500 убыхек с завязанными глазами обменялись младенцами, чем и положили конец многолетней вражде [10, с. 64].

Кроме того, кровник мог избавиться от Кровной мести, пройдя и «формальное усыновление»: для того было нужно прикоснуться «губами к покрытой шелковым или каким-либо другим платком груди матери, жены или сестры того лица», с которым существует вражда [3, с. 26]. При этом такое усыновление могло проходить как с согласия сторон, так и без. Также кровную вражду могла прекратить и женщина, пробравшись в жилище врага и прислонив к своей груди ребенка кровного врага, таким образом тоже усыновив его.

Г. Чурсин отмечает, что 1924 г. между родами Ашуба и Амичба была прекращена кровная вражда (более 11 дел по взаимным убийствам) именно посредством усыновления [43].

Необходимо подчеркнуть, что прекращение кровной вражды посредством усыновления – распространенное как на Кавказе, так и на Закавказье явление [4; 8; 9; 17, с. 44; 39; 40].

Кроме того, для прекращения кровной мести использовалось и переселение/изгнание виновного. В.В. Авидзба отмечал, что именно кровная месть являлась причиной множества переселений на Кавказе, как единичных, так и массовых, так как оставаться на прежнем месте после совершения убийства было небезопасно и, дабы не испытывать судьбу, виновный с домочадцами отправлялся в изгнание [1, с. 218-219]. В качестве примера можно привести убийство последнего Самурзаканского Владетельного князя Манучара Чачба крестьянином Маджи Кварацхелия, произошедшее в 1813 г. [37]. При этом, несмотря на то, что народный суд оправдал виновного, – тот со своим семейством, опасаясь мести, вынужден был переселиться [20, с. 435]. Необходимо отметить, что с добровольным или недобровольным изгнанием (т.е. по решению суда или народного схода) виновному лицу больше не грозила месть, так как, по сути, изгнание в ту пору

было одним из самых суровых наказаний [31, с. 32-33]. Данные нормы продолжали свое действие как в царское, так и в советское время [42, с. 9].

Царская администрация боролась с негодными ей (архаичными или опасными) адатами. После присоединения Абхазии к России и трагических событий Кавказской войны и ряда восстаний Абхазское Княжество как независимое государство было упразднено. Касаемо судебной системы надлежит отметить, что в 1864 г. на территории Абхазии стали действовать суды и общероссийские законы. Иными словами, кроме адатного права, а также норм шариата (в некоторых районах), начинают действовать нормы российского права. Вместе с тем Администрация Царской России начинает запрещать ряд архаичных уголовных норм адата, противоречащих российскому законодательству. Так, начальникам округов было вменено в обязанность не допускать применения в народных судах «решений по шариату и адату, которые противоречат общему духу наших законов» [42, с. 21].

Данные запреты совпали с тем, что на территории Абхазии на смену платы кровью приходит материальная компенсация (деньгами или имуществом). Так уже к середине 19 века кровная месть все чаще стала заменяться платой за кровь - «ашьяпса» [2, с. 31; 12, с. 115-116].

Ряд исследователей объясняет это явление сугубо экономическими факторами: Ш.Д. Инал-Ипа полагает, что в виду усиления имущественного расслоения и развитием частнособственнических отношений на смену крови приходит выкуп (в денежной или имущественной форме) [20, с. 433]. М. Ковалевский также связывает замену института Кровной мести – «выкупом за кровь» с дальнейшим развитием производственных отношений и института частной собственности, стремлением общества ограничить кровную месть и предотвратить бессмысленное кровопролитие [24, с. 214].

«Изживание» кровной мести связано именно с правовыми изменениями, так как царская Администрация приравнивала убийство из кровной мести к «убийству, совершенному при отягчающих обстоятельствах» и стала карать за это со всей строгостью и неотвратимостью закона. Однако полностью изжить такое явление, как кровная месть, ей оказалось не под силу.

Не справилась с этим и советская власть – так в ряде республик СССР институт Кровной мести оставался мощным регулятором общественных отношений. Например, в Абхазии, Азербайджане, Грузии, Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркмении [13].

Необходимо отметить, что с данной проблемой не совладала ни современная Россия, население ряда регионов которой (Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Чечня) традиционно прибегает к ней как к средству разрешения конфликта [15, с. 166], ни Абхазия [25, с. 366-367]. Впрочем, разумеется, гораздо реже, чем в прошедшие века.

При этом институт Кровной мести отнюдь не присущ лишь жителям постсоветского пространства. Так, кровная месть практикуется сегодня в Албании, Боснии, Сербии, Греции, Италии и многих иных странах [29, 33, 35].

Подводя итог, отметим, что кровная месть имеет тысячелетнюю историю: фактически сформировавшаяся в родоплеменной период каменного века, она дошла до наших дней. Несмотря на борьбу и запреты, на то, что фактически сегодня в соответствии с Уголовными Кодексами Республики Абхазия и Российской

Федерации кровная месть являетсяотягчающим обстоятельством преступления, она порой имеет место быть (т.е. продолжает существовать и функционировать), доказывая то, что параллельно с официальным публичным (государственным) правом сегодня действует и обычное (адатное) право [28, с. 118; 30]. А также, как мы можем видеть из трудов ранее упомянутых нами ученых, подчеркивает некоторую неудовлетворенность населения государственной властью (в частности – неэффективной работой её правоохранительных и судебных органов).

Литература

1. Авидзба В.В. Некоторые аспекты поведения враждующих сторон в период кровной мести // Абхазоведение (История, археология, этнология). Вып. 2. Сухум, 2003 г. С. 211, 218 – 219.
2. Барциц М. Выход из конфликта в традиционном правосознании абхазов. «Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе» // Материалы научной конференции. Сочи. 1999. С. 12, 31.
3. Введенский А. Религиозные верования абхазцев // ССКГ, BV. 1871 г. С. 26.
4. Газета «Кавказ». Тифлис. 1850 г. №93.
5. Газета «Кавказ». Тифлис. 1868 г. №5.
6. Газета «Кавказ». Тифлис. 1854 г. №10.
7. Газета «Кавказ». Тифлис. 1867 г. №60.
8. Газета «Кавказ». Тифлис. 1854 г. №11.
9. Газета «Терские Ведомости». 1875 г.
10. Гожба А. Обычное право абхазов как возможный источник методов народной дипломатии. Роль неофициальной дипломатии. М, 1999 г. С. 64.
11. Гучуа Е.Б. Становление и развитие государства и права Абхазии: автореф. дис. ... к.ю.н. Москва, 2011. С. 72.
12. Дгебиа Р.З. Кровная месть в Абхазии в XIX веке // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. №1. С. 115 – 116.
13. Диасамидзе Г.И. Убийство на почве кровной мести по Советскому уголовному праву // по материалам Аджарской АССР): дис. ... к.ю.н. Свердловск, 1974. Машинопись.
14. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Книга 2. С-Пб.: Типография департамента уделов, 1871. С. 73.
15. Дудаев И.И. Кровная месть и ее место в генезисе смертной казни // Армия и общество. 2013. №1 (33). С. 166.
16. Жильцов С.В. Смертная казнь в истории России. М., 2002. С. 19.
17. Зубов П. Картина Кавказского края. Ч. III. Спб, 1835. С. 44.
18. Зюков А.М. Кровная месть: внеправовой обычай и государственно-правовая политика. Владимир. 2009. С. 160.
19. Иванова Ю.В. Иванов Ю.В. Северная Албания в XIX – начале XX в: Общественная жизнь. М.: Наука. 1973 г. URL: <https://books.google.ba/books?id=m7gKAQAIAAJ> (дата обращения: 20.03.2018)

20. Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми: Алашара, 1965 г. С. 433, 435.
21. Инал-ипа Ш.Д. Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX веке // «Труды Абхазского института» им. Д.Гулиа, Сухуми, 1956 г., вып. XXVII. С. 81.
22. Квициния Ф.А. Гарантии независимости судей: дис. ... к.ю.н. Ростов-на-Дону, 2007. С. 17.
23. Ковалевский М. Первобытное право. Вып. 1. М., 1886 г. С. 217 – 218.
24. Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. М., 1995 г. С. 214.
25. Колбая М.Б. Особенности отдельных видов убийств и их значение для квалификации содеянного // Актуальные проблемы российского права. 2011. №2. С. 366 – 367.
26. Краевич П.Д. Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству в Абхазии // ССКГ. В. IV. 1870. С. 30, 35.
27. Куправа А.Э. Из истории абхазской традиционной культуры. Москва, 1998. С. 84.
28. Логинов А.В. Обычное право абхазцев: судопроизводство в народных судах в доправовой период // «Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики». 2015. №3-3 (53). С. 118.
29. Логинов А.В. Адат и Шариат на территории Кавказа, Центральной и Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс]. // Современный мусульманский мир. 2018 г. №3. URL: <https://islamjournal.ru/2018/id40/> (дата обращения: 20.07.2018)
30. Логинов А.В. К вопросу о реализации принципа «осуществления правосудия только судом» на территории Российской Федерации и Республики Абхазии [Электронный ресурс] // Современный мусульманский мир: электрон. журнал. 2018 г. N1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32562690> (дата обращения: 20.03.2018)
31. Логинов А.В. Проблема соотношения действия институтов обычного права в средние века и в современном абхазском обществе // Вестник Владикавказского Научного Центра. 2015. Т. 15. №1. С. 32 – 33.
32. Логинов А.В. Суды по обычному праву и по шариату на территории Республики Абхазии: история и перспективы [Электронный ресурс] // Современный мусульманский мир. 2018. №2. URL: <https://islamjournal.ru/2018/id32/> (дата обращения: 20.07.2018)
33. Логинов А.В. Адат и Шариат в регионах Кавказа и Центральной Азии в постсоветский период [Электронный ресурс] // Современный мусульманский мир. 2018. №3. URL: <https://islamjournal.ru/2018/id41/> (дата обращения: 20.07.2018)
34. Люлье Л.Я. Черкесия: историко-этнографические статьи // Общество изучения Адыгейской автономной Области и Адыгейский областной историко-этнографический музей. Северо-Кавказский филиал традиционной культуры М.Ц.Т.К. «Возрождене», 1990. С. 26.
35. Махмуд С.М. Уголовная ответственность по мотиву кровной мести в Республике Йемен: дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 1998 г. Машинопись.
36. Описание Колхиды или Мингрелии, О. Ламберти, миссионера Конгрегации для распространения христианской веры // Записки Одесского общества истории и древностей. 1877. Т. X. С. 170.

37. Покинувшего свой дом семья преступника больше не преследовалась, и вражда прекращалась, поскольку вынужденное переселение считалось одной из форм наказания. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20180120/1022923865/ubijstvo-manuchara-chachba-oskorblennyj-krestyanin-ili-zaxvat-vlasti.html> (дата обращения: 20.03.2018)
38. Русско-абхазский словарь. Сухуми: Алашара. 1964. С. 300.
39. Самойлов К. Заметки о Чечне капитана К. Самойлова // Репертуар и Пантеон. СПб., 1855. Т. XXIII. №10.
40. Сахокия Ф. По Мингрелии // «Петроградские Ведомости». 1916. №176.
41. Семенов Ю.И. Основные понятия обычного права: Возникновение и развитие // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М.: ИД «Стратегия», 2000. С. 7.
42. Фонд перспективных исследований «Бастион». Светское государство, мусульманское и традиционное право на северном Кавказе. Москва. 2012. С. 9, 21.
43. Чурсин Г. Материалы по этнографии Абхазии: пережитки родового строя. Сухум. 1957 г. URL: http://www.apsuara.ru/lib_ch/chur03.php (дата обращения: 20.03.2018)
44. Шляпочников А.С. Обычное право и адаты киргизов // Советская этнография. 1964. №2. С. 35.
45. Энгельс Ф. Маркс К., Происхождение семьи, частной собственности и государства. Избр. произведения: в 3 т. М.: Политиздат, 1983 г. Т. 3. С. 294.
46. Zurcher, Christoph, *The Post-Soviet Wars: Rebellion, Ethnic Conflict, and Nationhood in the Caucasus*, NYU Pres. 2007. P. 14.

References

1. Avidzba V.V. Nekotorye aspekty povedeniya vrazhduyushchih storon v period krovnoj mesti // *Abhazovedenie (Istoriya, arheologiya, etnologiya)*. Vyp. 2. Suhum, 2003 g. S. 211, 218 – 219.
2. Barcic M. Vyhod iz konflikta v tradicionnom pravosoznanii abhazov. «Rol' neoficial'noj diplomatii v mirotvorcheskom processe» // *Materialy nauchnoj konferencii*. Sochi. 1999. S. 12, 31.
3. Vvedenskij A. Religioznye verovaniya abhazcev // *SSKG*, VV. 1871 g. S. 26.
4. Gazeta «Kavkaz». Tiflis. 1850 g. №93.
5. Gazeta «Kavkaz». Tiflis. 1868 g. №5.
6. Gazeta «Kavkaz». Tiflis. 1854 g. №10.
7. Gazeta «Kavkaz». Tiflis. 1867 g. №60.
8. Gazeta «Kavkaz». Tiflis. 1854 g. №11.
9. Gazeta «Terskie Vedomosti». 1875 g.
10. Gozhba A. Obychnoe pravo abhazov kak vozmozhnyj istochnik metodov narodnoj diplomatii. Rol' neoficial'noj diplomatii. M, 1999 g. S. 64.
11. Guchua E.B. Stanovlenie i razvitie gosudarstva i prava Abhazii: avtoref. dis. ... k.yu.n. Moskva, 2011. S. 72.

12. Dgebiya R.Z. Krovnyaya mest' v Abhazii v XIX veke // Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik. 2015. №1. S. 115 – 116.
13. Diasamidze G.I. Ubijstvo na pochve krovnoj mesti po Sovetskomu ugovnomu pravu // po materialam Adzharskoj ASSR): dis. ... k.yu.n. Sverdlovsk, 1974. Mashinopis'.
14. Dubrovin N. Istoriya vojny i vladychestva russkih na Kavkaze. T. 1. Kniga 2. S-Pb.: Tipografiya departamenta udelov, 1871. S. 73.
15. Dudaev I.I. Krovnyaya mest' i ee mesto v genezise smertnoj kazni // Armiya i obshchestvo. 2013. №1 (33). S. 166.
16. ZHil'cov S.V. Smertnaya kazn' v istorii Rossii. M., 2002. S. 19.
17. Zubov P. Kartina Kavkazskogo kraja. CH. III. Spb, 1835. S. 44.
18. Zyukov A.M. Krovnyaya mest': vnepravovoj obyčaj i gosudarstvenno-pravovaya politika. Vladimir. 2009. S. 160.
19. Ivanova YU.V. Ivanov YU.V. Severnaya Albaniya v XIX – nachale XX v: Obshchestvennaya zhizn'. M.: Nauka. 1973 g. URL: <https://books.google.ba/books?id=m7gKAQAIAAJ> (data obrashcheniya: 20.03.2018)
20. Inal-Ipa SH.D. Abhazy. Suhumi: Alashara, 1965 g. S. 433, 435.
21. Inal-IPA SH.D. Social'naya sushchnost' atalychestva v Abhazii v XIX veke // «Trudy Abhazskogo instituta» im. D.Gulia, Suhumi, 1956 g., vyp. XXVII. S. 81.
22. Kviciniya F.A. Garantii nezavisimosti sudej: dis. ... k.yu.n. Rostov-na-Donu, 2007. S. 17.
23. Kovalevskij M. Pervobytnoe pravo. Vyp. 1. M., 1886 g. S. 217 – 218.
24. Kovalevskij M. Sovremennyj obyčaj i drevnij zakon. M., 1995 g. S. 214.
25. Kolbaya M.B. Osobennosti otdel'nyh vidov ubijstv i ih znachenie dlya kvalifikacii sodeyannogo // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2011. №2. S. 366 – 367.
26. Kraevich P.D. Neskol'ko slov o primenenii narodnyh obyčajev k sudoproizvodstvu v Abhazii // SSKG. B. IV. 1870. S. 30, 35.
27. Kuprava A.E. Iz istorii abhazskoj tradicionnoj kul'tury. Moskva, 1998. S. 84.
28. Loginov A.V. Obychnoe pravo abhazcev: sudoproizvodstvo v narodnyh sudah v dopravovoj period // «Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki». 2015. №3-3 (53). S. 118.
29. Loginov A.V. Adat i SHariat na territorii Kavkaza, Central'noj i YUgo-Vostochnoj Azii [Elektronnyj resurs]. // Sovremennyj musul'manskij mir. 2018 g. №3. URL: <https://islamjournal.ru/2018/id40/> (data obrashcheniya: 20.07.2018)

30. Loginov A.V. K voprosu o realizacii principa «osushchestvleniya pravosudiya tol'ko sudom» na territorii Rossijskoj Federacii i Respubliki Abhazii [Elektronnyj resurs] // *Sovremennyj musul'manskij mir: elektron. zhurnal*. 2018 g. N1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32562690> (data obrashcheniya: 20.03.2018)
31. Loginov A.V. Problema sootnosheniya dejstviya institutov obychnogo prava v srednie veka i v sovremennom abhazskom obshchestve // *Vestnik Vladikavkazskogo Nauchnogo Centra*. 2015. T. 15. №1. S. 32 – 33.
32. Loginov A.V. Sudy po obychnomu pravu i po shariatu na territorii Respubliki Abhazii: istoriya i perspektivy [Elektronnyj resurs] // *Sovremennyj musul'manskij mir*. 2018. №2. URL: <https://islamjournal.ru/2018/id32/> (data obrashcheniya: 20.07.2018)
33. Loginov A.V. Adat i SHariat v regionah Kavkaza i Central'noj Azii v postsovetskij period [Elektronnyj resurs] // *Sovremennyj musul'manskij mir*. 2018. №3. URL: <https://islamjournal.ru/2018/id41/> (data obrashcheniya: 20.07.2018)
34. Lyul'e L.YA. CHerkesiya: istoriko-etnograficheskie stat'i // *Obshchestvo izucheniya Adygejskoj avtonomnoj Oblasti i Adygejskij oblastnoj istoriko-etnograficheskij muzej. Severo-Kavkazskij filial tradicionnoj kul'tury M.C.T.K. «Vozrozhdenie»*, 1990. S. 26.
35. Mahmud S.M. Ugolovnaya otvetstvennost' po motivu krovnoj mesti v Respublike Jemen: dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva. 1998 g. Mashinopis'.
36. Opisanie Kolhidy ili Mingrelii, O. Lamberti, missionera Kongregacii dlya rasprostraneniya hristianskoj very // *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej*. 1877. T. X. S. 170.
37. Pokinuvshego svoj dom sem'ya prestupnika bol'she ne presledovalas', i vrazhda prekrashchalas', poskol'ku vynuzhdennoe pereselenie schitalos' odnoj iz form nakazaniya. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20180120/1022923865/ubijstvo-manuchara-chachba-oskorblennyj-krestyanin-ili-zaxvat-vlasti.html> (data obrashcheniya: 20.03.2018)
38. *Russko-abhazskij slovar'*. Suhumi: Alashara. 1964. S. 300.
39. Samojlov K. Zametki o CHEchne kapitana K. Samojlova // *Repertuar i Panteon*. SPb., 1855. T. XXIII. №10.
40. Sahokiya F. Po Mingrelii // «Petrogradskie Vedomosti». 1916. №176.
41. Semenov YU.I. Osnovnye ponyatiya obychnogo prava: Vozniknovenie i razvitie // *YUridicheskaya antropologiya. Zakon i zhizn'*. M.: ID «Strategiya», 2000. S. 7.
42. Fond perspektivnyh issledovanij «Bastion». Svetskoe gosudarstvo, musul'manskoe i tradicionnoe pravo na severnom Kavkaze. Moskva. 2012. S. 9, 21.
43. CHursin G. Materialy po etnografii Abhazii: perezhitki rodovogo stroya. Suhum. 1957 g. URL: http://www.apsuara.ru/lib_ch/chur03.php (data obrashcheniya: 20.03.2018)

44. SHlyapochnikov A.S. Obychnoe pravo i adaty kirgizov // Sovetskaya etnografiya. 1964. №2. S. 35.

45. Engel's F. Marks K., Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva. Izbr. proizvedeniya: v 3 t. M.: Politizdat, 1983 g. T. 3. S. 294.

46. Zurcher, Christoph, The Post-Soviet Wars: Rebellion, Ethnic Conflict, and Nationhood in the Caucasus, NYU Pres. 2007. P. 14.